

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ЭТИМОЛОГИЯ

Одна из наиболее характерных особенностей современного языкознания — это стремление найти подход к языку как к явлению с и с т е м н о г о порядка. Системный характер фонетических изменений был вскрыт еще основоположниками сравнительно-исторического языкознания. Именно фонетический аспект исследования занимал центральное место в этимологических исследованиях младограмматиков. Это увлечение фонетикой и абсолютизация «фонетических законов» в работах по индоевропейской этимологии вызвали отрицательную реакцию со стороны ряда ученых. Например, Г. Шухардт в серии своих полемических работ, объединенных позднее в статью «*Etymologie und Wortforschung*»¹, резко выступил против засилия фонетики и против пренебрежительного отношения к анализу смысловых связей. О. Есперсен в своей книге «Язык» писал об определенных успехах этимологии в фонетической и отчасти в семантической области². Но ни Шухардт, ни Есперсен в указанных работах даже не упоминали о словообразовательном аспекте этимологического анализа.

Фонетические соответствия в корне и более или менее правдоподобно установленные семантические связи между сопоставляемыми словами — вот основная база так называемой «корнеотсылочной» этимологии, получившей довольно широкое распространение в индоевропейском, и в частности в славянском, языкознании. Разумеется, словообразовательная сторона этимологии при этом также принималась во внимание, но ей обычно отводилась лишь второстепенная, подчиненная роль в этимологических исследованиях этого типа.

Последние десятилетия в развитии этимологии характеризуются неуклонным возрастанием роли словообразовательного анализа в процессе этимологического исследования. Этимологизируемые слова все более и более обрастали плотью словообразовательных формантов, на анализе которых было сосредоточено основное внимание многих этимологов. В работах последних лет часто (и обычно — справедливо) критиковали «корнеотсылочную» этимоло-

¹ См. русский перевод в кн.: Г. Ш у х а р д т. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, стр. 210 сл.

² О. Е с п е р с е н. *Language*. London—New York, 1925, стр. 305.

гию. Само слово «корнеотсылочный» стало чуть ли не бранным эпитетом. В результате этого очень часто стала проявляться тенденция ограничить словообразовательный анализ одним только суффиксальным словообразованием, тенденция к противопоставлению суффиксов и основ (корней) в словообразовательно-этимологическом исследовании. Наиболее отчетливо это противопоставление было сформулировано в интересной статье В. А. Никонова с весьма знаменательным названием «Поиски системы».

«Этимологические исследования, — пишет автор этой статьи, — преимущественно занимались основами, а часто и ограничивались ими, пренебрегая формой, тогда как в действительности этимология слова чаще всего обязана именно формальным изменениям, которые несут не меньше информации, чем основа. Как можно обойтись только этимологией основы в словах *белый*, *белка*, *белье*, *белуга*, *белесый*, *белизна*, *беляк*, *беловой*, *беляна*, *бельмо*, *белила* и мн. др.?»³

Из приведенного отрывка совершенно ясно, что В. А. Никонов ищет систему только в области суффиксального словообразования. Для автора статьи основа (а тем более — корень) явно не обладает формой. Эту «аморфную» основу он противопоставляет формализующим суффиксам. Между тем форма, а отсюда — и система, присуща не только суффиксам, но также корням и основам. Более того, сама регулярность суффиксов во многом определялась регулярностью основ, которая в свою очередь находилась в тесной связи со структурой корня.

Не менее спорным в приведенном отрывке является и освещение вопроса о том, основа (корень) или суффиксы несут большую информацию. Прежде всего о какой именно информации здесь идет речь? О стилистической (*белый* — *беленький* — *белесый*), о реальной (заяц-*беляк*, несомненно, отличается от *белуги*) или об этимологической? Речь, по-видимому, должна идти об этой информации. А в этом плане *белый*, *беляк* и *белуга* различаются между собой меньше, чем *белый*, *черный* и *красный*. Иными словами, основную этимологическую информацию несут здесь не суффиксы, а корень.

Сколько бы мы ни приводили суффиксальных производных, например, от прилагательного *кривъ*, *кривой* (*кривда*, *кривизна*, *кривуля*, *кривляка* и т. п.), этимология первого слова не прояснится до тех пор, пока мы не определим, каков был его корень. Это — сложная этимологическая проблема. А вопрос об этимологии слов *кривда*, *кривизна* и т. д., хотя здесь тоже можно встретиться с большими трудностями, — это вопрос о «ближней» этимологии, где речь будет идти уже о вторичных словообразовательных и семантических процессах. Таким образом, словообразовательный

³ В. А. Никонов. Поиски системы. — «Этимология». М., 1963, стр. 224—225.

аспект этимологического анализа не может и не должен ограничиваться анализом суффиксальной структуры слова. Не менее важное значение для этимолога имеет также словообразовательная структура корня и основы.

Возьмем в качестве примера следующий словообразовательный ряд, в котором отражается обычное индоевропейское чередование в огласовке корня (*ei/*oi):

<i>знити</i>	— <i>зной</i>	— <i>зноити</i>
(<i>по</i>) <i>чити</i>	— (<i>по</i>) <i>кой</i>	— (<i>по</i>) <i>коити</i>
<i>пити</i>	— (<i>за</i>) <i>пой</i>	— <i>поити</i>
<i>жити</i>	— (<i>из</i>) <i>гой</i>	— <i>гоити</i> 'давать жить'
<i>х</i>	— (<i>по</i>) <i>крой</i>	— <i>кроити</i> .

Рассмотренный ряд позволяет реконструировать утраченный в славянских языках простой глагол **кри(ти)*, который может быть соотнесен также со следующим рядом:

	(<i>за</i>) <i>пой</i>	— <i>пити</i>	— <i>пи-в-о</i>
	(<i>на</i>) <i>вой</i>	— <i>вити</i>	— (<i>на</i>) <i>ви-в-ъ</i>
русск. диал.	(<i>на</i>) <i>лой</i> 'ливень'	— <i>лити</i>	— (<i>на</i>) <i>ли-в-ъ</i>
	(<i>из</i>) <i>гой</i>	— <i>жити</i>	— <i>жи-в-ъ</i>
	(<i>по</i>) <i>крой</i>	— * <i>крити</i>	— <i>кри-в-ъ</i> .

Предлагаемая этимология слова *кривъ* опирается на анализ словообразовательных моделей, в которых лишь одна форма дается под звездочкой, т. е. является реконструированной. Хорошо известно, что количество словообразовательных возможностей у языковых моделей очень велико, но не все эти возможности реализуются или же сохраняются в языке. Помимо полного ряда *зноити—зной—знити*, в русском языке имеется несколько примеров с утраченным простым глаголом: *строити—строй*, *доити—(на)дой*, *роити—рой*, *кроити—(по)крой* (но нет глаголов *стрити, *дити, *рити, *крити). Может быть, этих слов никогда и не было в языке? Едва ли это так, ибо в ряде случаев от них сохранились надежные следы в виде производных. Так, например, для глагола *рити 'течь' можно сослаться на производные с суффиксом *-ну-*: укр. *ринутити* '(сильно) потечь, хлынуть', чеш. *řinouti se* 'литься, струиться'.

Словообразовательный ряд

кроити — (по)крой — *крити — кри-в-ъ

полностью совпадает не только с рядом

гоити — (из)гой — жити — жи-в-ъ,

но и с таким примером, как

роити — рой — *рити 'течь' — лат. *rī-v-us* 'ручей'.

В семантическом плане слово *кривъ*, как производное от глагола *крити 'резать', должно было иметь исходное значение 'срезанный, скошенный' → 'косой, кривой'. Подобный путь развития значений слова от конкретного к абстрактному был наиболее типичен для древнеиндоевропейской и праславянской лексики. В качестве аналогичного примера можно сослаться хотя бы на такие производные от и.-е. корня **skei-* 'резать', как др.-исл. *sceifr*, др.-англ. *scāf*, нем. *schief*, лтш. *škībs* 'косой, кривой' (Рокорну, стр. 922), а также на исл. *sneida* 'резать' и 'делать косым' (ср. также швед. *sned* 'косой').

Приведенный выше анализ праславянских словообразовательных рядов позволил, совсем не прибегая к данным родственных индоевропейских языков, с помощью внутренней реконструкции восстановить словообразовательную историю слова *кривъ*. При этом анализ этот был предельно формализован и опирался не на изолированные единичные случаи, а на систему словообразовательных явлений, отраженную в самой структуре праславянского корня. Отсюда следует вывод, что п о и с к и с и с т е м ы в словообразовательном аспекте этимологического анализа не должны ограничиваться рамками одного лишь суффиксального словообразования. В ряде случаев призыв Козьмы Пруткова *смотреть в корень*, по-видимому, может быть не без успеха использован и в этимологических исследованиях.

Впрочем, в плане суффиксального словообразования многие из продуктивных в древности моделей также до сих пор недостаточно изучены в работах по славянскому языкознанию. Взять хотя бы древнерусские образования на *-ѣдь*, *-ѣдь*, *-jadь* и сербохорватские существительные на *-ād*. Соотношения между ними остаются все еще не вполне ясными. В то же время при этимологизации некоторых слов этого типа иногда полностью игнорируются основные особенности соответствующих словообразовательных моделей.

Так, например, в книге выдающегося итальянского лингвиста В. Пизани «Этимология» (русский перевод вышел в издательстве «Иностранная литература». М., 1956) в качестве примера конкретного этимологического анализа рассматривается вопрос о происхождении слова *площадь* (стр. 167—170). В. Пизани считает возможным объяснять слово *площадь* как результат заимствования через старославянский из н.-греч. *πλατεῖᾰδες, отвергая в то же время традиционную этимологию этого слова, связывающую его с др.-руск. *пlockь*.

Не говоря уже о том, что в греческих церковных текстах (откуда скорее всего могло бы произойти предполагаемое заимствование) не сохранилось никаких следов слова *πλατεῖᾰδες (Ном. pl. от *πλατεῖα* 'улица'), этимология, предложенная Пизани, не может объяснить многих фактов, относящихся к словообразованию и лексике древнерусского языка и диалектов современного русского языка.

Рассмотрим следующий словообразовательный ряд:

<i>плоский</i>	— <i>площ</i> ‘плоскость, ширина’	— <i>площадь</i>
<i>черный</i>	— <i>чернь</i>	— <i>чернядь</i>
<i>синий</i>	— <i>синь</i>	— <i>синядь</i>
<i>рослый</i>	— (<i>по</i>) <i>росль</i>	— <i>роследь</i>
<i>пухлый</i>	— (<i>о</i>) <i>пухоль</i>	— (<i>о</i>) <i>пухлядь</i>
<i>гнилой</i>	— <i>гниль</i>	— <i>гниледь</i>
<i>старый</i>	— блр. <i>старь</i> ‘старье’	— <i>старядь</i> ⁴

Легко заметить, что если мы попытаемся включить в этот славянский словообразовательный ряд такие явно заимствованные слова, как *стерлядь* (ср. нем. *Störling* ‘маленький осетр’) или *лошадь* (тюрк. *лоша*), мы сразу же потерпим неудачу. То же самое можно сказать и о ряде *плоский* — укр. *площа* ‘площадь’ — *площадь* = *рохлый* — *рохля* — *рохлядь* = *ровный* — *ровня* — *ровнядь*. Эти примеры говорят о том, что суффикс *-едь* был сложным по своему составу (*-en-+*-dь).

В семантическом аспекте слова *площ* ‘плоскость, ширина’ и *площадь* относятся к прилагательному *плоский* так же, как *ширь* и (диалектное) *ширедь* относятся к *широкий*. Следовательно, др.-русск. *плоть*, укр. *плоца* и русск. *площадь* — это слова, означающие ‘плоскость’ или ‘плоское, широкое место’.

Интересно отметить, что исследователи, занимавшиеся этимологией слова *площадь*, не обратили внимания на одно очень важное лексическое совпадение в древнерусском языке: 1) *площадька* ‘небольшая площадь, небольшой участок’ и 2) *площадька* ‘плошка, плоский сосуд’ (Срезневский II, 970). Этот пример окончательно ставит все точки над *i* и заставляет решительно отвергнуть гипотезу о заимствовании слова *площадь* из греческого языка.

Всякое реконструирование словообразовательных рядов требует от этимолога всестороннего и осторожного подхода к анализируемому материалу. Один ряд сам по себе еще не составляет системы. Кроме того, механическая реконструкция словообразовательного ряда может оказаться (и нередко оказывается) ошибочной. Совершенно очевидно, например, что к ряду *писать* — *писец*, *читать* — *чтец*, *играть* — *игрец*, *лгать* — *лжец* мы не можем отнести слова *спать* и *спец*. Каждому известно, что слово *спец* — это сокращение от заимствованного слова *специалист* и никакого отношения к глаголу *спать* оно не имеет. Но этот нарочито нелепый пример показывает, что ошибки подобного рода принципиально возможны.

В случаях не столь очевидных, как в примере со словом *спец*, проверка правильности предлагаемой реконструкции может быть

⁴ Другие примеры образований на *-дь* (с соответствующими ссылками) см.: Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 149—150. Там же (стр. 120) вкратце излагается рассматриваемая ниже этимология слова *дылда*.

осуществлена путем анализа целой системы словообразовательных рядов. Допустим, что при этимологизации слова *рамень(е)* мы выделяем в нем суффикс *-мен-* и сопоставляем это слово с глаголом *(о)рати* 'пахать'. Данная этимология⁵ может быть подтверждена следующей серией словообразовательных рядов (для краткости привожу в каждом случае всего один-два примера):

- 1) *(о)рати*—*ра-тай*, *ра-тва*, *ра-ль*, *ра-мень*;
- 2) *(о)рати*—*рамень(е)*, *полѣти*—*пламень*, *знати*—*знаменье*;
- 3) *рамень*—*раменье*, *камень*—*каменье*, *знамя*—*знаменье*;
- 4) *рамень*—*Раменское*, *камень*—*Каменское*, *знамя*—*Знаменское*;
- 5) *рамень*—*раменный*, *пламень*—*пламенный*, *камень*—*каменный*;
- 6) *(о)рати* — *рамень*, лит. *arti* 'пахать' — агшио 'пашня'.

К этим шести рядам можно присоединить еще седьмой ряд суффиксальных чередований (**-men-/*-ц-*):

ра-мень — лат. *ar-v-um* 'пашня, поле'
др.-прусск. *kēr-men-s* 'чрево' — ст.-слав. **чрѣ-в-о**
лит. *stuo-miõ* — лтш. *stā-v-s* 'стан, фигура'
лат. *cul-men* 'вершина' — лит. *kal-v-à* 'холм' и мн. др.⁶

Таким образом, анализ словообразовательной модели в данном случае не сводится к реконструкции какого-то единичного ряда. Слово *рамень* и его производные входят в целую серию рядов, совокупность которых и составляет словообразовательную систему, типичную для славянских образований с суффиксальным **-men-*.

Одной из наиболее архаичных особенностей праславянского словообразования было чередование суффиксов, исторически тесно связанное с гетероклизой. И если в индоевропейском масштабе эта особенность была довольно подробно проанализирована в работах Э. Бенвениста, Ф. Шпехта и других исследователей, то в рамках славянского словообразования и этимологии чередования суффиксов до сих пор почти совсем не изучены.

Как в индоевропейском, так и в праславянском языке суффиксы чередовались между собой не хаотически, а по определенной системе. В одних случаях слова, образованные с помощью чередующихся суффиксов, выступали в качестве синонимов, в других — разные варианты слова использовались в целях лексических противопоставлений.

В виде примера можно сослаться на распространенное в индоевропейских языках чередование суффиксов **-men-/*-n-*: лит. *srau-miõ/srau-nà* 'течение, поток', др.-инд. *ác-man-/ác-na-* 'камень', лат. *lū-men* 'свет' / *lū-na* 'луна, месяц'. То же самое чередование

⁵ См.: Ю. В. Откупщиков. О происхождении слов *рамень* и *раменье*. — «Вопросы общего языкознания». Л., 1965, стр. 88—96.

⁶ Наиболее детально это чередование было исследовано Ф. Шпехтом (F. S p e c h t. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, стр. 179—183).

засвидетельствовано в др.-русск. *ти-ма, ти-мен-ше* 'грязь, тина' / *ти-на*; русск. *яс-мен* (*яс-мен сокол* в русских народных песнях), *яс-мен-ник* *Asperula/яс-н-ый; яч-мень / яч-н-ый* и др. Иногда это чередование может быть обнаружено при сравнении с родственными языками: русск. *ста-н* / лит. *stuo-miõ* 'стан, фигура', русск. *вы-мя* (< **ūd̥h-men*) / др.-инд. *ūd̥h-n-ah* (Gen. sing. гетероклитического склонения).

Но наиболее интересными являются случаи, когда в чередовании участвуют не два, а три суффикса (и даже более):

словен. *droz-g* / чеш. *droz-d* / др.-чеш. *droz-n* 'дрозд'⁷

русск. диал. *пеле-г-а* 'часть луба' / *пеле-д-а* 'стреха' / *пеле-н-а* 'стреха'⁸

русск. диал. *пелé-ж-ить / пелé-д-ить / пелé-н-ить* 'покрывать, ухитчатъ (избу на зиму)'⁹

др.-русск. *драз-г-а / драз-д-а / драз-н-а* 'лес'

Во всех рассмотренных примерах чередуются одни и те же суффиксы: *g/d/n*. Древность этого явления подтверждается наличием точно такого же чередования в балтийских языках: лтш. *skabař-g-a / skabař-d-a / skabař-n-a* 'щепка'. Еще показательнее случай, когда в чередовании участвуют те же самые элементы, выступающие не только как именные суффиксы, но и как детерминативы корня: лит. *ei-g-à* 'ход' (именной суффикс) / ст.-слав. *и-д-ж* (< *ei-d-ǵ) / лит. *ei-n-ù* 'иду' (детерминативы корня; ср. простые глаголы: лат. *e-ō*, др.-греч. *εἶ-μι* 'иду').

Иногда этот же тип тройных суффиксальных чередований реализуется в языке лишь частично: др.-русск. *гроз-д-ъ / гроз-н-ъ* 'гроздь' (*d/n*), польск. *żół-g-a / żół-n-a* 'желна, дятел' (*g/n*).

Анализ суффиксальных чередований *g/d/n* позволяет предложить новую этимологию слова *дылда*, не получившего до сих пор единого этимологического истолкования. Связь с польск. *dyl* 'доска, бревно', предложенная А. И. Соболевым, была отвергнута А. Г. Преображенским и М. Фасмером, так как это слово представляет собой заимствование из немецкого¹⁰. Ссылки на диалектные формы *дыль* 'колода, бревно', 'нога', *дыли* (мн. ч.) 'ходули' также не могут считаться убедительными, ибо эти слова засвидетельствованы в западных диалектах русского языка и, возможно, связаны с польск. *dyl*.

В то же время наличие в славянских языках чередования суффиксов *g/d* позволяет сопоставить слово *дылда* с др.-русск. *дългыи* 'длинный' и *дългъ* 'высокий', 'великан'. Формы с нулевой ступенью огласовки корня дают, с одной стороны, **d̥l̥-gos* >

⁷ Ср. также ст.-слав. *дроз-г-ъ* / болг. *дроз-д* / в.-луж. и н.-луж. *droz-n* 'дрозд'.

⁸ Буквальное значение во всех трех случаях — 'покров'.

⁹ Даль² III, стр. 28.

¹⁰ Преображенский I, стр. 205; Васмер I, стр. 385.

> *dul-gu > дъл-гъ, а с другой — *dl̥-dā > *dul-dā > (экспрессивное удлинение?) *dūl-dā > дъл-да.

Долгий гласный *ū* (дълда), в отличие от краткого *u* (дългъ), встречается не только у анализируемого слова. С тем же гласным засвидетельствовано, например, такое слово, как др.-русск. дълѣя 'вид длинной одежды'. Вероятно, к общему источнику восходят и более отдаленные формы без суффиксальных *g/d*: русск. диал. дъль 'даль', дълный, др.-инд. *dūrāḥ* 'далекий, дальний' и др.

Из двух типов слов с чередующимися суффиксами *g/d* западные и южные славянские языки, в отличие от русского, отразили форму с суффиксальным *g*: чеш. *dlouhán*, с.-хорв. *djgoňa* 'дылда'. Но, видимо, и здесь можно обнаружить следы древнего слова с суффиксальным *d*, ср. такие производные, как русск. диал. дълдить 'слоняться, шататься' и синонимичный сербохорватский глагол *dūdati*, позволяющий гипотетически реконструировать слово *dūda (=дълда).

Итак, др.-русск. дъл-гъ 'длинный' / русск. дъл-д-а отражают то же самое чередование суффиксов *g/d*, которое мы наблюдали в случае со словен. *droz-g* / чеш. *droz-d* и в других рассмотренных выше примерах.

* * *

Изложенные лишь в самых общих чертах этимологии слов *кривъ*, *площадь*, *рамень* и *дълда* представляют собой попытку нащупать те элементы системы в словообразовательном аспекте этимологического анализа, которые пока еще недостаточно разработаны в славистике (особенности структуры корня, суффиксальные чередования). Разумеется, затронутые выше вопросы отнюдь не исчерпывают всей совокупности сложных проблем, связанных с анализом словообразовательных моделей в этимологическом исследовании.